

Культура. - 1997. - 23 окт. - с. 11
Новые песни о старом

Так бывает в старых русских песнях. Поется о горе-беде, а в глубине, в протяжно льющейся, негромкой мелодии живет тихая и стойкая вера, не высказанная в слове, но, по сути, совпадающая с надеждой.

Новая картина Лидии Бобровой, снятая по сценарию, написанному ею по рассказам Бориса Екимова, названа строкой из песни – “В той стране...”

Песня диктует режиссеру композиционные структуры, характеры героев, смысл их взаимоотношений, ведет Боброву к лирико-драматическому, волнующему способу повествования, когда камера свободно переходит из дома в дом, гуляет по лугам и окраине деревни, скользит по речной глади. И постоянно возвращается на главную сельскую улицу, магистраль, где сконцентрированы почти все основные события местной жизни. Здесь сколачиваются прочные компании для распития “на троих”. Здесь бабы судят, рядят, выносят решительные вердикты. Здесь порой и пути человеческие определяются. Иногда в варианте драматического анекдота, чем картина “В той стране...” во многом сродни памятным лентам Василия Шукшина, с их тоской и горьким юмором, нежностью и любовью к странной, самодумной Руси.

Бурно развивающаяся, меняющаяся на глазах общественная реальность 90-х годов осмыслена Бобровой на крохотном пространных, все сосредоточено на нескольких фигурах, замкнуто бесконечными полями и лесами. Вроде бы отгорожено от остального мира, но это иллюзорное представление – и здесь, в маленьком северном селе, приметы нового горестно очевидны.

Люди пытаются как-то оборониться от них, часто – подсознательно, но это едва ли возможно. Оттого вдруг, очертя голову, они все же бросаются в омут нововведений, непонятных для них приватизаций, переделов и прочего, вторгшегося в деревенский быт.

О том же рассказывала Боброва в первой своей, тоже пе-

сенной, по существу, картине “Ой вы, гуси!”. Такая форма принципиально важна для нее, позволяя не извериться, не склонить голову перед всем тем, что она увидела искреним, сострадающим взглядом. Важно это для режиссера и потому, что снимает она в основном непрофессионалов, деревенских жителей, о которых не скажешь, что они играют ту или иную роль. Они ее рассказывают, пропевают, выкрикивают, как в частушке. Играть им ненужно – они просто живут в родных для себя обстоятельствах, в понятных и близких ситуациях, которые, скорее всего, уже реально ими проживались или еще будут прожиты. Несколько актеров-профессионалов – Зоя Буряк, Светлана Гайтан, Татьяна Захарова, Лидия Савченко, Анна Овсянникова – сумели идеально вписаться в эту среду, слившись с многочисленными селянами, занятыми в главных и эпизодических ролях.

Суетная постперестроечная эпоха материализована на экране несуетно, неторопливо, создавая картину вроде бы некоего островного существования. Событийных историй несколько, они пересекаются, сходятся и расходятся, образуя в общем единую повесть. Первая история опять-таки начинается в шукшинском варианте. Тихому Николаю Секридину, давно страдающему язвой желудка, засветила путевка в санаторий, в южные края, подлечиться.

Перспектива заманчива, и медленно этот серьезный факт в жизни деревни становится предметом для споров, скандалов, страстей, возникающих вокруг проблемы: надо ли мужика одного в такой вертеп от семьи отпускать? За этими нехитрыми событиями, в глубине, просматривается нелепая сегодняшняя жизнь, которая как будто похожа на старую. По-прежнему правит бал – вместо парторга и председателя колхоза – местный начальник, могучий Сеня, названный весьма туманно: “управляющий отделением”. Крестьянам, в общем, плевать, чем этот Сеня управляет. Тем более что управляет не он, а его жена, ловко направляющая мужа и устраивающая дела так, чтобы прежде всего не поссориться с начальством где-то в районе, от которого многое зависит. Так что в этом смысле перемен не много. Более всего они в нарастающей, неотвратимой бедности, в бессмысленности ожиданий и слов, которые кем-то произносятся лишь потому, что должны произноситься.

Вот и катится жизнь по сельской улице, увводя тоскующих мужиков на околицу, в тайные закоулки, где они глушат заветное зелье. Иной радости нет, и больше ее не ждуть, изверившись в надеждах. На первый план постепенно выходит тракторист Зайка – один из самых обаятельных героев фильма. Талантливый самородок, певун, танцор, беззаботный добряк.

Отпетый алкаш, который по-иному жить уже не умеет. Перед лучезарной душой Зайки никому не устоять, все ему прощается, и как не простить, глядя, как он со своими припеваками уговаривает, убеждает, признается в любви, украшая эту тоскливую, бедную жизнь? Прощают люди, прощают измученную нищетою жена Шура. А вот жизнь казенит...

Еще в фильме “Ой вы, гуси!” Лидия Боброва с откровенной пристрастностью и любовью обратилась к характеру, близкому толстовскому капитану Тушину. К герою, принимающему окружающий мир во всей его сложности, умеющему открыть добро там, где другие видят зло.

К людям, в которых нет того нравственного надрыда, который сейчас присутствует едва ли не в каждом. В новом фильме Боброва развивает и углубляет эти мотивы. Равно уважая почти всех, кто появляется в ее картине, она все же выделяет в их ряду Николая Секридина, его исконное чувство добра, смирения и доверчивого, живого интереса к миру. Секридин по-своему одинок в родной среде, существуя несколько отдельно, особенно, но так и бывает с людьми, поднимающимися над окружающими, но вместе с тем абсолютно не осознающими своей избранности.

Играет (опять хочется написать – “живет”) Секридина деревенский житель Дмитрий Клопов, друг писателя Федора Абрамова, мечтавшего запечатлеть судьбу этого человека в своей прозе, но не успевшего... Клопов – талантливый художник по жизни, что Боброва смогла не просто использовать в экранной истории, но благодаря этому поднять картину на уровень философского осмысления происходящего и в маленьком северном селе, и со всеми нами, уходя от черной тоски.

Ближе к финалу дорога Секридина пересекается с новым жителем деревни, недавним зеком Константином. Константин прибыл сюда, став женихом “по переписке” местной засидевшей красавицы. Казалось бы, как не вспомнить в связи с

этим героем снова и снова картины Шукшина, его Егора Прокудина, тоже прибывшего к невесте “по переписке”? Однако зек Константин из фильма “В той стране...” иной завкаски Лагерные законы – единственно справедливые для него нормы жизни, с этим он не хочет и не может уже распрощаться, отбыв срок.

Управляющий определяет Константина в пастухи. Его напарник – безответный Секридин, но и тот не выдерживает, понимая, что бывший зек загубит стадо, а для Секридина каждая живая душа – дар Божий. Общего языка с Константином ему не найти. И кто знает, чем бы закончилось нарастающее несогласие, потому что человеческая жизнь особой ценности в глазах зека не представляет, если бы не странная встреча его с Секридиным в мастерской, вернее, в крошечной комнатенке, где Секридин вырезает из дерева диковинных птиц с буйным, гордым оперением. Как зачарованный, следит Константин за каждым движением Секридина, за его ласковыми руками, за птицами, которые, кажется, вот-вот взлетят. Что-то детское появляется в глазах парня, будто заново родившегося... Но не стоить обольщаться радостной этой переменой. Она вполне может окзаться всего лишь переходящим мгновением. Боброва не склонна повторять ставшую сегодня общим местом фразу о том, что красота спасет мир. В сцене пусть и краткого единения Секридина и Константина суть для нее в другом.

Важен миг, связавший двоих столь разных людей, минута, когда они неожиданно для себя поняли друг друга, обнаружив внезапную общность.

Лидия Боброва не отрицает, что прежняя почва заметно утеряна, что резко изменился характер человеческих взаимоотношений, чтобы искать опору в былых устоях. И все же настаивает, что русская национальная идея в “болении за всех”, в ответственности за всех. Ради этого она сняла картину “В той стране...”. О стране России. ●

Кадр из фильма